

Экспрессивно-оценочная интерпретация художественного текста (на примере эпиграмм А.П.Сумарокова)

С позиции лингвостилистики главным стилеобразующим фактором любого жанра речи, в том числе художественного, является его целевое назначение. Русская эпиграмма, начиная с самого начала ее формирования в XVIII веке, служит для осмеяния общественных или личных пороков, недостатков. Но осмеяние является целевым назначением басни, анекдота, сатирико-юмористической частушки. Эпиграмма находится в зоне действия этих малых жанровых форм сатиры и юмора. Однако для басни характерна аллегория, иносказательность и связанный с этим иронический подтекст. Поэтому басня по оценочной экспрессии характеризуется двуплановостью [2]. Анекдот по экспрессивной оценочности тоже всегда двупланов, но оформляется в прозе [3]. Сатирико-юмористическая частушка создается в стихах, но обладает музыкальной напевностью, рассчитана на песенное исполнение. Эпиграмма же в отличие от басни и анекдота по своей оценочной экспрессии всегда однопланова, характеризуется ярко выраженной односубъектной модальностью. Исторически она и сформировалась как лирический жанр с разнообразной тематикой.

По составу стихов русская эпиграмма может представлять собой традиционное двустишие /дистих/, но часто состоит из 4-6 и более стихов. С разным стиховым размером связана и неодинаковая их экспрессивно-семантическая структура, разный характер выражения негативной оценочности. Многие литературоведы, например, отмечают в качестве важнейшего жанрового признака эпиграммы т.н. «пуанту» - остроумную концовку. Однако эта остроумная концовка семантически проявляется по-разному, что в значительной мере зависит от стиховой речевой структуры эпиграммы. Поэтому характер экспрессивной оценочности мы проследим прежде всего в тесной связи с речевой структурой и стиховым размером разных форм эпиграммы.

Но предварительно уточним такие ключевые понятия, как экспрессивность и оценочность, которые в дальнейшем будут нами часто употребляться в процессе анализа эпиграмм А.П.Сумарокова. Многие исследователи рассматривают экспрессивность в тесной связи со стилистической и эмоциональной окраской языковых средств. Собственно стилистическое исследование, по мнению В.В.Виноградова, включает в себя изучение эмоциональной окраски экспрессивных факторов речи, средств, которыми пользуется язык, чтобы создать их, взаимоотношения между экспрессивными элементами, и, наконец, слагающейся из них экспрессивной системы языка [1]. Поэтому при анализе художественного текста экспрессивность целесообразно рассматривать в широком смысле, как категорию, в которой объединяются все разновидности экспрессивных средств, определяющих эстетическое воздействие текста на читателя.

Будучи органически взаимосвязанными в художественном тексте, экспрессивность и оценочность создают общую экспрессивно-оценочную окраску, свойственную художественному произведению в целом, которая может быть в разных жанрах: 1) одноплановой (выражает единую, общую оценку), 2) двуплановой (выражает две разные оценки), 3) многоплановой (выражает несколько разных оценочных позиций). Как было отмечено выше, жанр эпиграммы характеризуется по своей экспрессивно-семантической структуре односубъектностью, то есть представляет единую позицию автора.

В качестве объекта исследования выбраны эпиграммы А.П.Сумарокова, чьи образцы анализируемого жанра сыграли значительную роль в становлении и функционировании эпиграммы в России. Им же сформулированы и ее основные принципы: Рассмотрим свойства мы и силу эпиграмм: //Они тогда живут красой своей богаты, //Когда сочинены остры и узловаты; //Быть должны коротки, и сила их вся в том, //Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком ("Эпистола II" [о стихотворстве], 1747).

Двустрочные и трехстрочные эпиграммы А.П.Сумарокова чаще всего носили отвлеченный, нравственный характер и не имели конкретных адресатов:

Здесь Делий погребен, который всех ругал. // Единого творца он только не замал // И то лишь для того, что он его не знал. [4: 60]

Клеон раскаялся, что грабил он весь свет, // Однако ничего назад не отдает. // Так вправду ли Клеон раскаялся иль нет? [4: 57]

Негативная экспрессивно-оценочная окрашенность присуща обоим эпиграммам и свидетельствует о прямой характеристике адресата.

Многие эпиграммы поэта посвящены взаимоотношениям мужчины и женщины:

Ты очень ей любим, она в твоей вся воле, // Да только тридцать есть, которых любит боле. [4: 58]

Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала, // Так ищешь тут конца, где не было начала. [4: 58]

«Не раз ты мне, жена, неверность учинила. // Скажи мне, сколько раз ты мужу изменила?// — Рогатый говорил. В ответ на то жена:// «Я арифметике, ей-ей, не учена». [4: 60]

Но в целом ряде случаев двустрочные эпиграммы имеют конкретных адресатов: *Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. // Конечно, голова в почтенье меньше ног* [4: 62]. *Танцовщик* - По мнению П.Н.Беркова, Сумароков мог здесь подразумевать одного из первых русских мастеров балета Тимофея Бубликова, выступавшего в 1750-х гг. *Профессор* - П.Н.Берков предполагает также, что Сумароков имел в виду профессора Степана Петровича Крашенникова, который к тому времени скончался, а шестеро его детей продолжали бедствовать. Семен Экштут пишет о значении данной эпиграммы: «Эта эпиграмма была сочинена Александром Петровичем Сумароковым еще в 1759 году. Минуло без малого два с половиной столетия, а старинная эпиграмма не утратила своей остроты. И если когда-нибудь будет написана капитальная монография «Блеск и нищета академического и вузовского сообщества России: Конец XX-XXI века: Опыт историчесофского осмысления»,

то можно смело держать пари, что автор этой книги обязательно возьмет эпиграмму Сумарокова в качестве эпитафии. И какие бы статистические данные и исторические примеры ни приводились в этой книге, какие бы экономические, социологические, политологические и философские рассуждения ни делались, автор научной монографии вряд ли сможет сказать что-нибудь принципиально новое по сравнению с тем, что уже написал Сумароков» [5: 26].

Однотональные четырехстрочные эпиграммы оформляются иногда А.П.Сумароковым в виде эпитафий, имеющих остроумную концовку:

На свете живучи, Плон ел и пил не сладко, // Не знался он ни с кем, одет всегда был гадко, // Он тратить не любил богатства своего: // Спокоен, что уже не тратит ничего. [4: 58]

Подъячий здесь лежит, который дело знал: // Что прямо, то кривил, что криво – поправлял, // Трудясь до самого последнего в том часу. // И, умираючи, еще просил запаса. [4: 59]

Эпитафия скупому

Что исчезаю я, в том нет большой мне траты, // Я не дал ведь за то, что я родился, платы. // Пусть черви плоть мою едят и всю съедят. // Досадно только то, что саван повредят. [4: 58]

Наличие эпиграмматического пуанта объясняет отнесение сатирических эпитафий к эпиграммам. Во-первых, композиционная структура эпиграммы предполагала использование в начале нейтрального наблюдения или утверждения, а завершение – в виде неожиданной остроты. Во-вторых, эпитафия, как эпиграмма, нередко посвящалась не конкретному лицу, а собирательному: богачу-скряге, бездарному артисту, лекарю-шарлатану, откупщику, подъячему и т.п. В сущности, это уже не эпитафии, а эпиграммы без адреса.

Эпиграмма эпохи классицизма в России предпочитала высмеять не конкретное лицо, а сатирический типаж, поэтому эпиграммы А.П. Сумарокова обличают общественные нравы, а в качестве объекта выступает в них обобщенный носитель злонравия.

Некоторые четырехстрочные эпиграммы характеризуется негативной экспрессивно-оценочной одноплановостью:

Кто хвалит истину, достоин лютой казни; // Он в сердце к ближнему не чувствует приязни. // Какое в нем добро, коль так он хулит свет, // Хваля, чего нигде на полполушки нет? [4: 60]

Хотя, Марназов, ты и грешен, // Еще, однако, не повешен. // Но болен ты, лежа при смерти; // Так, видно, не палач возьмет тебя, да черти. [4: 60]

Начало в эпиграммах А.П.Сумарокова может быть нейтральным повествованием, однако завершается текст резкой отрицательной оценкой с бранным словом «дурак», подчеркивая саркастическую позицию поэта: *Пожалуй, не зови меня безверным боле // За то, что к вере я не причитаю врак; // Я верю божеству, покорен вышней воле // И верю я еще тому, что ты дурак* [4: 61]; *Фирюля день и ночь во сне препровождает, // Не спорит и людей*

не осуждает, // Из уст его не слышно врак. // Скажите ж: почему Фирюля мой дурак? [4: 64]

Четверостишия могут давать негативную оценку в форме иронии. Начинаются они формально с положительной, но завершаются отрицательной оценкой: *Построил ныне ты пространный госпиталь, // Достойно то хвалы, того лишь только жаль, // Кого ограбил ты, все в оном быть те льстятся, // Что, бедные, они в нем все не уместятся* [4: 60].

Повествовательно-диалогические эпиграммы формально можно рассматривать и как двусубъектные по модальности тексты: авторская речь противопоставлена репликам персонажа. Однако модальная расчлененность текста носит формально-структурный характер. По семантике же и по экспрессивной оценочности текст характеризуется единством художественной модальности и экспрессивной оценочности:

Ты будущей себя женою утешаешь. // Какую взять тебе, усердно вопрошаешь. // Возьми богатую, так будешь ты богат, // Возьми большой родни, боярам будешь брат. // Возьми разумную, любви к похвальной страсти, // Возьми прекрасную, телесной ради сласти. // А ты отвечаешь: «Хочу иметь покой». // Так лучше не бери, пожалуй, никакой [4: 61].

Негативная экспрессивно-оценочная одноплановость многострочных эпиграмм в целом ряде случаев очевидна:

Всегда болван — болван, в каком бы ни был чине. // Овца — всегда овца и во златой овчине. // Хоть холя филину осанки придает, // Но филин соловьем вовек не запоем. // Но филин ли один в велику честь восходит? // Фортуна часто змей в великий чин возводит. // Кто ж больше повредит — иль филин, иль змея? // Мне тот и пагубен, которым стражду я. // И от обеих их иной гораздо трусит: // Тот даст его кусать, а та сама укусит. [4: 64]

Здесь Сумароков продолжает начатую в предыдущие годы целую серию нападок на глупцов, прикрывшихся высоким общественным положением и родословной. *Всегда болван — болван.* С этими строками эпиграммы перекликаются слова Стародума из «Недоросля» Д.И. Фонвизина: «Нет, мой друг. Наличные деньги – не наличные достоинства. Золотой болван – все болван».

Негативная оценка в многострочных эпиграммах часто выражается посредством экспрессивно-семантического подтекста, создающего явную иронию:

Клеон прогневался, и злобою безмерной // На щедрых был он баб во гневе заражен. // «Я б всех, — он говорил, — постриг неверных жен. // Не знаю, для чего б тужить мне о неверной?» // Жена ему на то такой дала ответ: // «Так хочешь, чтобы я, сокровище, мой свет, // Ходила, как вдова, всегда в одежде черной?» [4: 57]

Клавина смолоду сияла красотою, // И многих молодцов она пленила тою. // Но как уже прошел сей век ее златой, // Она и в старости была всё в мысли той, // И что во младости хорошею казалась, // И, сморщась, именов всё тем же называлась. // За что ж ее никто хорошей не зовет? // И Нов-город уж стар, а Новгород слывет. [4: 57-58]

Часто многострочные эпиграммы открытой негативно-фельетонной экспрессивной тональности направлены против конкретных адресатов, поэтому для выявления комизма в них необходимо знание полемики между автором и адресатом:

Окончится ль когда парнасское роптанье? // Во драме скаредной явилось «Воспитанье», // Явилось еще сложение потом: // Богини дыни жрут, Пегас стал, видно, хром, // А ныне этот конь, шатаясь, тупея, // Не скачет, не летит – ползет, тащит «Помпея» [4: 63].

«Воспитание» - комедия Д.В.Волкова, который в предисловии к ней подверг критике новшество, допущенное Сумароковым в трагедии «Димитрий Самозванец» (в пятом действии пьесы раздаётся звон набата).

Наместо соловьев кукушки здесь кукуют // И гневом милости Дианы толкуют. // Хотя разносится кукушечья молва, // Кукушкам ли понять богинины слова? // В дуброве сей поют безмозглые кукушки, // Которых песни все не стоят и полушки. // Лишь только закричит кукушка на суку, // Другие все за ней кричат: «Куку-куку». [4: 63]

Сумароков возражал против постановки на московской сцене его трагедии «Синав и Трувор», которой грозил провал из-за срыва генеральной репетиции по вине актрисы Е.Ивановой. Так как главнокомандующий города П.С.Салтыков, под особым присмотром которого находился московский театр, потворствовал Ивановой, то драматург вынужден был обратиться с жалобой на Салтыкова к Екатерине II, от которой не получил поддержки. Копию ответа императрица послала также Салтыкову, ввиду чего, содержание письма стало известно в городе. Недоброжелатели поэта злорадствовали и пытались раздуть инцидент. На этих кукушек, поющих с чужого голоса, Сумароков и написал свою эпиграмму. Приводим и продолжение этой полемики:

На сороку в зашитие кукушек.

Не будучи орлом, Сорока здесь довольна, // Щекочет и кричит: чики-чики-чики, // В дубраве будто сей все птицы – дураки. // Но мужество Орла Диана почитает, // И весь пернатый свет его заслуги знает. // Сорока завсегда сорокою слывет, // И что Сорока врет, то все сорочий бред. [4: 81]

Эту эпиграмму Г.Р.Державин написал в ответ А.П.Сумарокову. Орел здесь – П.С.Салтыков, Сорока – А.П.Сумароков, Диана – Екатерина II. В строке «И что Сорока врет, то все сорочий бред» имеется в виду жалоба Сумарокова на Салтыкова.

Повествовательно-диалогические эпиграммы по оценочной экспрессии близки к басням и притчам. Они носят иносказательный характер и формально могут рассматриваться как двухплановые структуры:

По смерти Откупщик в подземную страну // Пришел пред Сатану, // И спрашивает он: «Скажи, мой друг сердечный, // Не можно ль откупить во аде муки вечной? // Как я на свете жил, // Всем сердцем я тебе и всей душой служил». // — «Пожалуй, дедушка, на откуп это внуку! // Я множил цену там, а здесь умножу муку». [4: 62]

Скупой окраден был и чуть не удавился, // Что части своего богатства он лишился. // Пойман вор и то в допросе показал, // Что у скупого он

пятьсот рублей украл. // Пятьсот рублей нашлись. Вор знал, как тот смущался // И что в удавку он без памяти бросался. // И как невольнику скупой наш говорил: // «Имением моим ты петлю заслужил», // Тот отвечал ему: «Быть так, я в этом грешен. // Да ты за деньги сам страшился ль быть повешен?» [4: 56]

Однако заканчиваются они не нравоучением, не моральной сентенцией, а остроумной негативной оценкой, характерной для эпиграммы: *Премудрый астролог // В беседе возведал, что он предвидеть мог // Лет за пять раняе, что с кем когда случится // И что ни приключится. // Вбежал его слуга и это говорит: // «Ступай, ступай скоряй домой, твой дом горит» [4:65];*

«Я обещена»,— пришла просить вдова. // Однако знал судья, кто просит такова. // «Чем?» — спрашивал ее. «Севодни у соседа, // — Ответствовала та,— случилась беседа. // Тут гостья на меня так грубо солгала: // Уж ты-де во вдовстве четырех родила». // Судья ей говорил: «Плюнь на эту кручину; // Стал свет таков, всегда приложат половину». [4: 59]

В Венеции послом шалун какой-то был, // Был горд, и многим он довольно нагрубил. // Досадой на него венециане дышут // И ко двору о том, отколь посол был, пишут. // Там ведают уже о тьме посольских врак. // Ответствуют: «Его простите, он дурак. // Не будет со ослом у человека драк». // Они на то: «И мы не скудны здесь ослами, // Однако мы ослов не делаем послами». [4: 65]

Как видим из приведенных примеров эпиграмм А.П.Сумарокова, экспрессивно-оценочная выразительность создается в них комплексом самых различных языковых и контекстуально-речевых средств. Но во всех образцах жанра сохраняется экспрессивно-оценочная одноплановость: реальность сатирически оценивается с позиции одного субъекта – автора.

Литература

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1968.
2. Нестеров М.Н., Шипилов В.А. Стилистика русской басни (функционально-жанровый аспект). – Армавир: АГПИ, 1998.
3. Нестеров М.Н., Переходюк О.В. Речевая структура современного анекдота и языковые средства комизма. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2001.
4. Русская эпиграмма (XVIII - начало XX в.): Сборник. – Л.: Советский писатель, 1988.
5. Семен Экштут «Профессор! Ты убог»// Родина. – 2006. – №1.